

* * *

Ещё до ночи дела нет,
ещё как днём тепло и сухо,
и колокольчиком над ухом
«любимый, помни обо мне»
звенит, и перегретый свет
голубит яблоки на блюде
и зайчиками на батуте
беззвучно прыгает в листве.
До полусна рукой подать,
но рядом-рядом, мелко-мелко
дрожит над яблоками белка,
переживая благодать,
и день уводит за собой,
весь жар его и полудрёму...
У сосен тяжелеют кроны
над линией береговой,
закат готовится вовсю —
утихомиривает певчих,
бескрылых нас молчаньем лечит
и держит время на весу.
Случится всё, что он решил,
позволив смешиваться краскам,
взыграет золото на красном
и свет исчезнет, как не жил.
Зачем же, не боясь огня
последнего для этой ночи,
звенит всё тот же колокольчик
«любимый, не забудь меня».

* * *

Просыпались — моя рука на твоём бедре,
засыпали опять, не сразу, но позже, позже,
будто не мы, нет, не мы легли в бесконечный дрейф
тогда, давно, ты ещё говорила — по воле Божьей.
Ярких тельняшек, радостных, иссяк запас,
песни, те, что остались, не ищут ветра,
эти двое — кто они, дрейфующие за нас,
и нас же обоих сживающие со света?
Ты читаешь псалмы, я подолгу смотрю вдаль,
слушаю твоё дыханье, не ко мне летящее,
сын далеко, на большой земле, где-то там
и, надеюсь, счастлив.
Мы не знаем, куда плывём,
звучит неплохо, но вру — конечно, знаем,
почему-то опять о сыне — счастлив ли он?
Счастлив, хотя б оттого, что не с нами.

* * *

Ах, если б мы не умирали,
иначе жили бы и жили,
блаженно с внуками играли,
и дети к нам бы не спешили,
не торопились, как сегодня,
обезоруженные знаньем,
что каждый день от жизни отнят,
и мы уходим в опозданье,
бежим, летим, на что-то смотрим,
за даты круглые цепляясь,
а неба кобальтовый ляпис
от нашей суетности мокнет,
от нашей скорби разудалой,
от обречённой нашей прыти
дары истрачены задаром
и двери в горние закрыты.
Земные тюрьмы тянут шпиль
под облака, поближе к раю ...
Ах, если б мы как люди жили,
Мы б никогда не умирали.

18-й год

Курит поэтка волшебное зелье, курит,
чёрные раньше, нынче седые кудри
тонкой рукой свивает, тоской веет,
Господи! — просит и верит, не верит, верит,
молит о воздухе свежем, держась за стены,
даже в побелке запах и привкус сена,
что там на улице? — тот же фонарь, аптека —
может, и не было, видимо, не было века,
тот же фонарь, только жёлтым течёт светом,
будто бы выстрелы хлопают мокрым ветром,
и разгоняется, бьёт по своим чечётка,
катится яблочко, стынет лихая чёлка.
Вновь восемнадцатый, курится зелье злое,
люди становятся улицей, слой за слоем,
лес вырубается, девочка прячет ветку,
бабку за дедку, тётку за дядьку, детку за репку,
курит поэтка, плачет в тонкие руки,
люди становятся снегом в фонарном круге,
дальше уже ничего, ничего не видно —
тот же фонарь и снежинки вокруг, нимбом.

* * *

Перевернутая лодка на траве,
домик спрятался у речки в рукаве,
птица молча тонет в воздухе пустом,
тихо-тихо, остальное всё потом,
остальное всё,.. но нет его нигде,
даже небо умещается в воде,
прикоснёшься, и, послушное руке,
замедляется течение в реке.
Тихо-тихо, как в поленнице дрова,
спят ненужные молчанию слова,
я один, и кто-то шёпотом зовет,
что закат вот-вот и жизнь уже вот-вот.

* * *

Слушать ветер осенний, ходить по утрам на базар,
гладить грушам бока, есть лепёшку у старого грека
и стоять над заливом, ища вдалеке паруса,
как в истории где-то.

Возвращаться домой, выдыхать самый лучший сезон,
самый лучший пейзаж процарапать по тонкому воску,
и не надо фантазий, когда под тобой горизонт
делит надвое воздух.

* * *

Лето красное зелёною травую
глаз отводит от желтеющих проплешин,
хочешь — радуйся, а хочешь — безутешен
оставайся под сосною гробовую,
всё, что хочешь — плачь, печалуйся, кручинься,
отнимай у толстых плакальщиц работу
или свету сине-белому учиться
с видом в небо, лес и ветреную воду
выбирай — успеть к осеннему подсчёту,
кто их знает, мастеров от бухгалтерий,
всё беспомощнее августовский шепот,
всё внезапнее мельканье богаделен.

Длится лето, мальчик, мы пока что можем
пересматривать, что раньше пролистали,
даже в смерть входить открытыми глазами
зеленеющей маслиной в доме Божьем,
сыром козьим, тяжелеющей пшеницей,
неожиданным созвучьем — как сумеем,
лето красное сменяется осенним,
облегая на прощанье плащаницей.